

Бирж. вед. 1882. Какъ работаютъ 1903, артисты.

I.

П. М. Медвѣдевъ.

Мы сидѣли съ Петромъ Михайловичемъ въ его свѣтлой, какъ фонарь, комфортабельной квартирѣ у Пяти Угловъ; весь стиль этой оригинальной квартиры выдаетъ крупнаго артиста, мыслящаго человѣка—по стѣнамъ кабинета тянутся массивные книжные шкафы; этажерки завалены папками, гравюрами, книгами, въ углу выглядываетъ большой бюстъ Л. Н. Толстого прекрасной работы. Ничего лишняго; всюду — комфортъ, спокойный и корректный. Въетъ стариной отъ высокихъ креселъ съ рѣзными спинками съ штофной гнѣзеной отбѣлкой.

— Театръ переживаетъ переходное время, — спокойно говоритъ мнѣ почтенный собесѣдникъ. — Все ищутъ новыхъ путей, новыхъ формъ. Отъ старыхъ отстали почти, но нельзя ихъ оставить вполнѣ, нѣтъ еще ничего новаго такого, что могло бы замѣнить старое вполнѣ... Возьмемъ хотя бы пьесы. У старыхъ авторовъ все ясно, у новыхъ — все туманно... Возьмемъ самую модную теперь пьесу „Надѣя“ — игралъ я въ ней роль актера; не понимаю — есть что-то въ ней недоговоренное, неясное, туманное. Играешь и чувствуешь, что чего-то авторъ не договорилъ, что нужно бы что-то еще. И въ результатѣ самъ не удовлетворенъ, публика также...

А какъ играютъ новыя пьесы? На сценѣ нѣтъ свѣта — все полумракъ; артисты говорятъ тихо, полутонами — половина зрителей навѣрняка не слышитъ ихъ... Это — настроеніе. И притомъ настроеніе иногда доходитъ до того, что... Да вотъ, послушайте. Я едва-ли не самый старшій антрепренеръ въ Россіи.

Такъ вотъ оказывается, что я еще многого не знаю. Прихожу за кулисы одного театра и вижу какую-то машину, которая скребетъ. Это что такое? — спрашиваю. Это, говорятъ, машина должна изображать, какъ мыши скребутъ подъ поломъ... Зачѣмъ? — говорю. Для настроенія... Вижу другую машину... Какой-то шорохъ производитъ. А это, спрашиваю, для чего? Это машина изображаетъ какъ черныя тараканы по стѣнѣ ползаютъ. Тоже для настроенія...

Тутъ мы не выдержали, и оба разсмѣялись. — Вы не думайте, что я шушу — я это серьезно.

— Значитъ вы противъ „станиславищины“ на сценѣ, Петръ Михайловичъ?

— Нѣтъ... Я отдаю ему должное... Станиславскій немалую услугу оказалъ сценѣ въ смыслѣ постановки и вообще вишности. Но я рѣшительно противъ утрировки. Это смѣшно, воля ваша... Конечно, постановка имѣетъ

значеніе и за послѣднее время постановкой даже хотѣтъ скрасить недостатки новыхъ пьесъ: нѣтъ идеи, мало настоящаго таланта и смысла въ пьесѣ — конечно нужны и мыши, и черныя тараканы...

— И билліарды, и балабачники...

— Да, и билліарды, и балабачники, и полуты... Слушайте... Меня недавно просили прочесть въ пользу одной земской школы, гдѣ-то здѣсь, около церкви Михаила Архангела. Знаете сначала, признаюсь, даже испугался. Какъ это, думаю, буду читать одинъ, безъ обстановки, безъ аксессуаровъ, безъ дѣйствующихъ лицъ даже. Не будетъ настроенія. Однако, приѣзжаю читать Публики — гибель. Все интеллигентная: учителя, учительницы, учащіеся, но есть и фабричные. Читаю „Ревизора“ 1-й актъ до появленія почтмейстера. Играю за всѣхъ лицъ. Читаю потомъ „Горе отъ ума“. Сцену Фамусова съ Софьей. И, знаете, — я рѣдко видѣлъ такой ушѣхъ и восторгъ публики. Апплодисменты были неистовые!

Видите, кѣтъ ни „настроенія“, ни мыши-наго поскребыванія, а есть гениальная пьеса, слова настоящія...

— И есть еще хорошее исполненіе, добавте, — замѣтилъ я.

Петръ Михайловичъ скромно промолчалъ. Беседа наша перешла на воспоминанія. Сколько ихъ за 50 лѣтъ служенія сценѣ у П. М. Медвѣдева!

— Мимо меня прошли три поколѣнія русскихъ артистовъ, — задумчиво началъ Петръ Михайловичъ, глядя куда-то вдалѣ, видимо далекій теперь отъ всего окружающаго... Да, три поколѣнія, ибо началъ я свою артистическую дѣятельность какъ разъ на рубежѣ старой и новой школы въ 1853 году...

И старшій артистъ замолкъ...

Мертвая тишина воцарилась въ свѣтлыхъ комнатахъ. И, казалось, что тѣни старыхъ корифеевъ русской сцены, гордость ея — Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ, Садовскій, славные питомцы истиннаго храма искусствъ московскаго Малаго театра, вскормившаго и недавняго юбиляра — всѣ онѣ длинной и свѣтлой чередой проходили теперь ередъ глазами Петра Михайловича...

Это было истинное настроеніе.

И жалко было нарушить это настроеніе...

—... Я вошелъ въ новую школу — говоритъ П. М. Медвѣдевъ — и провелъ ее въ провинцію. Въ этомъ моя дѣйствительная заслуга и таковъ былъ мой отвѣтъ Малому театру на призывъ его въ день моего юбилея...

Когда я впервые вступилъ на сцену, я засталъ еще артистовъ изъ крѣпостныхъ людей. Тогда ставили раздражительныя трагедіи Кукольника, Озерова и мелодрамы. И игра была необыкновенно напыщенная, ходячая. Я началъ энергично преслѣдовать эту школу. Стариковъ передѣлать было трудно, но молодыхъ удалось очень многихъ убѣдить,

что это школа фальшивая, что нужно играть натурально, такъ, какъ говорятъ въ жизни... И вотъ второе поколѣніе, дѣти этихъ старыхъ артистовъ составили уже ядро новой натуралистической школы...

Боже! Сколько ихъ перешло черезъ мои руки! Тутъ, приблизительно съ 1865 года, вдругъ охватила всю публику какая-то безумная манія къ опереткѣ. Она пришла изъ Парижа и свела нашу публику съ ума. Я помню, всѣ почти драматическіе артисты должны были играть оперетту. Увы, это единственное, что тогда давало сборъ. Играли оперетту и Савина, и Давыдовъ, и я... Только мы ввели въ оперетту комедійное начало, изгоняли всю пошлость и выдвигали впередъ всю ея остроумную сторону.

Эта опереточная волна захлестнула публику и держала ее до 1877 г., до турецкой войны... Въ это время драма въ провинціи начала переживать настоящую драму. Держать драматическія театры въ какомъ-нибудь губерньскомъ городѣ значило заранѣе обрекать себя на рядъ убытковъ. Я долго боролся и перешелъ, наконецъ, на оперу, чтобы спасти драму. Драма при оперѣ могла еще существовать; четыре или пять дней — опера и два раза — драма.

Я напомнилъ П. М. Медвѣдеву его оперныя триумфы на Волгѣ нѣтъ 15 назадъ. Случайно я былъ въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ и видѣлъ, какъ сходилъ публика съ ума отъ этихъ оперъ.

Лицо моего собесѣдника озарилось улыбкой.

— Да, припоминаю... Особенно курьезный былъ случай въ Симбирскѣ. Спрашиваю Разсказова: можно вѣхать съ оперой въ Симбирскъ. — Едва-ли говорить, — городокъ небольшой, даетъ 14 тысячъ валового сбора въ сезонъ. Ну думаю, здѣсь нечего дѣлать съ оперой. Но судьба! Затерло меня лѣдами около Казани. Некуда двигаться. Была — не была, вѣду въ Симбирскъ.

— Ну, и что же?

— За недѣлю 11 тысячъ въ кассѣ. И на послѣднемъ представленіи приходитъ кассиръ и говоритъ: „Петръ Михайловичъ, что дѣлать, въ кассу принесли серебряныя ложки. Принимать?“ „Что вы?! Да развѣ у насъ касса судей... И представьте, послѣдній сборъ — въ кассѣ масса старинныхъ, дѣдовскихъ монетъ...“

Кубышки тронули... Вотъ до чего доходила любовь къ театру въ провинціи!

Разговоръ коснулся современнаго положенія театра и современныхъ служителей сцены.

— Такъ вотъ, я говорилъ вамъ, что передо мной прошли 3 поколѣнія артистовъ.

— Да, вы говорили о двухъ поколѣніяхъ. Что вы скажете о послѣднемъ, третьемъ?

— Третье поколѣніе, теперешнее... О немъ очень трудно говорить. Прежде всего: раньше было около 3,000 актеровъ — теперь ихъ насчитывается до 10,000. Сколько здѣсь настоящихъ зеренъ, сколько плевелъ — это вопросъ очень большой. Вотъ хорошая сторона этого

поколѣнія: на сцену пошли люди съ университетскимъ образованіемъ, это очень утѣшительно. Эти люди дали особый тонъ актерской средѣ, возвысили ихъ въ собственныхъ глазахъ и разомъ разрушили то странное предубѣжденіе, которое царило раньше. Вѣдь прежде дворяне, напримѣръ, считали зазоромъ идти на сцену. Теперь этого нѣтъ. Но... теперь... всѣ пошли на сцену. Кто-то только сюда нейдетъ! У меня было правило, когда я держалъ въ Казани театръ: ни студентовъ, ни гимназистовъ на сцену не брать. Сначала окончи курсъ. Я ставлю себя въ заслугу слѣдующее: я былъ строгъ въ выборѣ. Таланты — это мои друзья, мои любимыя дѣти; за ними я готовъ ходить и нынѣшнѣсь съ ними сколько угодно. Бездарности — враги. Я безъ всякой церемоніи говорилъ имъ это въ глаза. Приходить новое лицо, притесня на сцену. Сколько такихъ лицъ приходило! Дѣлаю пробу — многократную и серьезную. И если не вижу проблеска таланта — прямо говорю: идите, занимайтесь чѣмъ-нибудь другимъ, не думайте о сценѣ, вы нигде не годитесь. И, представьте, потому, многие сами благодарили. Приходитъ однажды въ Казани въ театръ почтенный человѣкъ представляется — прокуроръ суда. Я васъ, говоритъ, хорошо знаю, Петръ Михайловичъ. Извините, не помню. Напоминаетъ: я, говоритъ, еще студентомъ пришелъ къ вамъ проситься на сцену. Вы испробовали меня, да и... вытолкали вонъ. Спасибо вамъ большое! Видите, карьеру свою сдѣлать, а на сценѣ пропасть бы.

Постепенно наша беседа перешла на острую тему, которая горячо дебатировалась еще на съѣздѣ артистовъ въ Москвѣ, ничѣмъ не разрѣшилась, но жива до сихъ поръ.

Я говорю, о цензѣ для артистовъ.

— Цензъ необходимъ — горячо говоритъ Петръ Михайловичъ — помилуйте! Надо же очистить зерно отъ плевелъ. Ну давайте какой-нибудь значекъ — это актеръ, а это — нѣтъ, только притворяется актеромъ. Это прямо необходимо. Пусть коммисія изъ опытныхъ артистовъ, литераторовъ занимается этимъ; это дѣло первостепенной важности въ судьбѣ театра. Войдите въ положеніе антрепренеровъ въ провинціи — въ особенности большаго количества нынѣшнихъ, которые сами мало имѣютъ понятія о театрѣ.

Я дѣлалъ прежде такъ: самъ поѣду по провинціальнымъ театрамъ. Заберусь на балконъ инкогнито и смотрю оттуда на игру. Выгляжу артистовъ и потомъ прихожу ангажировать кого мнѣ нужно.

Русское театральное общество устроило въ Москвѣ Великимъ постомъ пробу артистовъ въ Новомъ Императорскомъ театрѣ. На этой пробѣ можно видѣть наглядно, кто идетъ на сцену теперь. Изъ 80 человѣкъ имѣютъ ходитъ по сценѣ человѣкъ 10; отсюда можно взять 2 талантливыхъ. И это я считаю хорошимъ процентомъ теперь... Нѣтъ, нуженъ

цензъ для актеровъ! Это прежде всего сослужить хорошую службу искусству, ибо очистить сцену отъ тѣхъ лицъ, которымъ на ней дѣлать нечего.

— Ну, а какъ же драматическія школы, Петръ Михайловичъ? Вѣдь это и есть отчасти цензъ?

— Школы... — уже сурово продолжалъ старшій артистъ, — я школы не мѣшаю очищать. Надо строже относиться къ выпуску; слѣдуетъ сильно сортировать учениковъ. Прдержали его годъ — видишь толку нѣтъ, выпусти на всѣ четыре стороны. Пусть не засорять сцену, а идти на какую-нибудь другую дорогу.

Я никогда не забуду одного случая съ дипломированной пѣвицей у меня въ Нижнемъ Новгородѣ.

Держалъ я оперу на ярмаркѣ. Приходитъ барыня съ дипломомъ отъ одной очень солидной учительницы пѣнія и съ лучшими рекомендаціями. Я сначала даже обрадовался, но правило: безъ пробы на сцену не выпущу. Призываю капельмейстера и пробуемъ голосъ подъ рояль. Выходитъ неладно. Думаю, что это отъ волненія; пройдемъ еще разъ. Еще хуже — полнѣйшая какофонія. Призываю артистовъ и прошу ихъ опредѣлять степень годности. И въ результатѣ — общій приговоръ: совершенно не годна. Я въ полномъ недоумѣніи — такіе дипломы!! А барыня прямо въ отчаяніи: пять лѣтъ училась, бросила мужа, семью, истратила послѣднія деньги... Но на сцену рѣшительно не годится: ни слуха, ни голоса... ни малѣйшаго умѣнія пѣть...

И мой собесѣдникъ, видимо увлеченный темой, всталъ и началъ ходить по кабинету, какъ бы стараясь этимъ движеніемъ успокоить себя.

Время шло. Я не хотѣлъ утомлять почтеннаго артиста — сегодня онъ долженъ былъ играть Расплюева на сценѣ Александринскаго театра.

Но беседа захватила и меня, и его. Мы не замѣтили, какъ быстро прошло время и въ свѣтлыхъ комнатахъ начали закрадываться первыя тѣни раннихъ петербургскихъ сумерекъ.

— Отсюда выводъ, — продолжалъ артистъ, — не особенно утѣшительный для искусства. Надвинулась на русскій театръ туча... въ лицѣ массы лицъ, служащихъ сценѣ, но не призванныхъ въ сущности ей служить. Любители наводнили сцену — театръ сильно подвинули впередъ въ смыслѣ постановки, но не менѣе сильно отодвинули назадъ въ смыслѣ игры исполнителей. Отсюда уже совершенно неестественное повышеніе платы за трудъ артистовъ признанныхъ и едва-ли не нищенство остальныхъ, даже полезныхъ сценѣ, но безыменныхъ артистовъ.

Нельзя смотрѣть на театръ только какъ на коммерческое предпріятіе. Нужно любить его и много работать на этомъ дѣлѣ...

Н. Симбирскій.